

Леонид Кудрявцев.

ДВА СОЛНЦА

Фантастический рассказ

Желтое солнце коснулось горизонта. Собаки бежали по следу Кряла цепочкой, высунув языки, жадно вынюхивая запах ускользающей добычи. За ними, сжимая в лапе верное ружье, скакал Фрумас. Его охотничий костюм состоял из оранжевого кафтана со множеством карманов, высоких сапог и маленькой шапочки со вставленным в нее перышком птицы Хойхо, вечной и умирающей каждую секунду, живущей далеко за черной пустыней, там, где небо соединяется с землей, а доверчивые звезды касаются загадочных островов своими нежными лучами.

Поначалу след вел на север, к великой реке, которая катит свои сонные воды в страну сладостей и смуглогрудых женщин. Через полчаса он свернул к старым оврагам, где по утрам поют иволки и ржавеют останки какой-то машины, прилетевшей неизвестно откуда и непонятно почему оставшейся здесь навсегда.

А когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, Крял побежал к пещерам у подножия сиреневых гор, вздымавших свои вершины на такую высоту, что за них задевали даже летучие медузы, которые по понедельникам прилетали в этот мир из страны вечных воспоминаний, вчерашних снов и бесплодных мечтаний.

Увидев это, Фрумас гикнул, пришпорил своего коня и, сняв верное ружье с предохранителя, поскакал еще быстрее, пытаясь настигнуть добычу до того, как она скроется.

Копыта коня взрывали дерн. Ветер свистел в ушах. Ветка голубой березы хлестнула Фрумаса по морде, едва не сбросив его на землю...

Он настиг Кряла возле входа в одну из пещер и, осадив запыхавшуюся лошадь, выронив расшитую магическими камешками перчатку, прицелился. Оставалось только нажать спуск, но что-то помешало Фрумасу это сделать. Словно невидимая ладонь сжала его мозги, мешая думать и действовать. Бессильно опустилось и выскользнуло из рук верное ружье...

Увидев это, Крял оскалил клыки и, неловко помогая себе пятой ногой, нырнул в пещеру.

Фрумас же медленно соскользнул с коня и, покачнувшись, посмотрел по сторонам остекленевшими глазами.

Тем временем желтое солнце скрылось за горизонтом, и когда погас последний лучик, Фрумас, опустившись на четвереньки, пополз в сторону ближайших кустов. С него соскользнули сапоги и охотничий кафтан. Шапочка с перышком птицы Хойхо зацепилась за куст казурии и осталась висеть на нем. А Фрумас, почувствовав, что освобожден от этих теперь ненужных вещей, радостно зарычал...

И наступила ночь...

Через шесть часов синее солнце показалось из-за горизонта. Как только его лучи упали на изумрудную траву у подножия гор, из пещеры выполз Крял. Медленно, словно неживой, он пошел вперед и вскоре оказался перед домиком, из которого восемь часов назад выехал на охоту Фрумас.

Он отворил скрипучую калитку и, миновав аккуратный дворик, вошел в дом. Там он поднялся на второй этаж и лег в кровать, которую четырнадцать часов назад покинул Фрумас. Но спал он всего лишь минуту, а когда она миновала, откинул одеяло и, потирая единственный глаз четырехпалым кулаком, сказал:

-- Мюс побери, ну и утро!

Он оделся и, спустившись в кухню, приготовил себе завтрак, который со вкусом и съел. А после завтрака что положено?

Крял вышел из дома и, сев на маленькую скамеечку в саду, выпустил первый, утренний -- самого высшего сорта, из тех, что продаются только в столице, на углу Воздвижения и Застоечной, по одному миражу сотня, -- десяток мыльных пузырей.

После этого можно было приниматься за работу. Крял добросовестно вскопал весь огород, осторожно работая лопатой и внимательно разглядывая рыхлую землю. Не дай бог, пропустишь хотя бы одну личинку параграфа -- останешься без урожая!

Когда же с этой работой было покончено, он отправился на луг и до обеда успел скосить приличную кучу сухопутных водорослей. Увидев, что на сегодня сделано достаточно, он согнал скошенные водоросли в стог, чтобы они просохли, и отправился на обед.

Вернувшись домой, он мгновенно приготовил глазычницу, а когда она была готова, попробовал и добавил в нее щепотку бертолетовой соли, сел и заморил червячка.

Потом он устроился в саду и, выпустив очередной десяток мыльных пузырей, увидел, что солнце уже опустилось к горизонту и пора отправляться на охоту.

Что ж!

Крял надел оранжевый охотничий кафтан, высокие сапоги и шапочку с перышком птицы Хойхо. Снял со стены верное ружье и пошел седлать коня, уже застоявшегося в конюшне. Увидев его, конь радостно заржал сразу обоими ртами и тотчас же захрустел кусочком горного хрусталя, который ему кинул Крял.

Итак, вперед!

Поначалу он ехал не спеша, весело поглядывая на собак, обогнавших его метров на десять. Но вот впереди мелькнула волосатая спина. Добыча! Настоящий, великолепный, молодой Фрумас!

Оранжевая кровь ударила Крялу в голову. Он пришпорил коня. А собаки уже шли по следу, радостно воя и едва не хватая зверя за хвост.

Сначала они бежали к реке, потом к большим оврагам, а когда голубое солнце почти исчезло за горизонтом, свернули к горам.

И, настигнув Фрумаса возле пещеры, Крял прицелился, но не выстрелил. Верное ружье упало на траву. Охотник сполз с коня и, потеряв одежду, скрылся в кустах.

Наступила ночь...

Утром же из пещеры вылез Фрумас и отправился домой. И, полежав в собственной кровати всего лишь минуту, он, может быть, в тысячный раз проснулся, предвкушая глазычницу и первый десяток мыльных пузырей.

Может быть, в стотысячный раз он позавтракал, а потом славно поработал. Когда же наступил вечер, он поехал на охоту и, опять не убив Кряла, уполз в кусты. А утром Крял отправился домой и, может быть, в миллионный раз проснулся в собственной постели, уже предвкушая вечернюю охоту...

И если некоторое время наблюдать эту карусель со стороны, то становится совершенно ясно, что Крял и Фрумас -- представители двух разумных рас, каждая из которых разумна, только когда светит одно из солнц.

А виновата в этом эволюция, которой случалось выкидывать штуки и похлеще.

Но если бы кто-нибудь ночью пришел к дому, в котором поочередно живут Крял и Фрумас, он бы увидел странные вещи.

С наступлением темноты во всех его комнатах зажигается свет. И если прижать лицо к оконному стеклу и заглянуть внутрь дома, то можно увидеть комнату, в которой за столом сидит с десяток странных созданий. А если приложить ухо к замочной скважине, то можно услышать, как они, поглощая продукты Кряла и Фрумаса, весело смеются и поют песенки, ведут застольные беседы и рассказывают анекдоты.

Насытившись, они начинают веселиться и играть в странные игры. Тогда из дома доносятся топот и хлопки, звон посуды и громкие здравицы.

Но едва только на небе появляются первые робкие лучики одного из солнц, в доме наступает тишина.

На крыльцо выходит верное ружье. Оно торопится полюбоваться утренним небом. Следующими появляются собаки. Они шумно прощаются с верным ружьем, и одна из них обязательно говорит ему, чтобы оно не ошиблось и вечером, когда охотник заглянет в прицел, сделало все как надо. И тут на крыльце появляется конь и говорит, что вообще хорошо бы изловчиться и загипнотизировать этих двоих не на один день, а на целый месяц. Честное слово, утомительно каждый день скакать за добычей и возвращаться, неся одежду и шапочку с перышком птицы Хойхо. А все ради того, чтобы охотник посмотрел в прицел.

Ружье, конечно же, важно кивает и обещает постараться и когда-нибудь сделать так, чтобы гипноз действовал целый месяц. Но пока...

И они начинают расходиться.

Конь становится в стойло. Собаки уходят на псарню. А ружье остается на крыльце одно и некоторое время смотрит на дорогу, по которой должен прийти Крял или Фрумас, черными, пронзительными глазами. И нет в них радости, одна тоска. Почему так случается именно по утрам, ружье не знает. Правда, оно знает причину тоски. Дело в том, что ему хочется выстрелить. Ну хоть когда-нибудь. Всего лишь раз.

А время идет. И вот-вот должен появиться Крял или Фрумас.

Ружье вздыхает и уходит с крыльца, аккуратно закрыв за собой дверь. В комнате оно подходит к стене, в которую вбит гвоздь, и, прежде чем на него повеситься, снова вздыхает и думает, что когда-нибудь все же выстрелит. Обязательно... Может быть, даже завтра...